

**РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА
ИЗОБРАЖЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ФАНАТИЗМА
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ Э. ГАСКЕЛЛ «ВЕДЬМА ЛОИС»**

Мария Юрьевна Фирстова

к. филол. н., доцент кафедры английского языка
и межкультурной коммуникации

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

legkikh76@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0987-7816>

Статья поступила в редакцию 20.10.2021

В статье рассматривается историческая повесть Э. Гаскелл «Ведьма Лоис» (1859). Особое внимание уделяется художественному воплощению христианских идей автора, средствам и приемам реалистической поэтики при изображении судебного процесса над «ведьмами», имевшего место в американском г. Сейлеме в конце XVIII в.: типизация, психологизм (изображение работы массового и индивидуального сознания), социально обусловленные герои и конфликты. Также уделяется внимание теме материнства и проблеме сиротства в произведении как магистральным в творчестве Гаскелл. Анализ повествования выявляет использование иронии, метонимии, внутреннего монолога. Обнаруживается намеренное акцентирование временной дистанции между периодом создания произведения и описываемыми в нем событиями посредством прямого авторского слова с целью подчеркнуть примитивный характер изображаемого. Историческая достоверность достигается за счет включения фактической информации в повествование и введение в действие реальных личностей из истории Британии и США (священнослужителей, богословов, монархов).

Ключевые слова: Э. Гаскелл, религиозный фанатизм, пуритане, тема материнства, проблема сиротства, психологизм, историческая проза.

После публикации книги о жизни и творчестве Шарлоте Бронте (“The Life of Charlotte Bronte”, 1857), которая вызвала весьма неоднозначную реакцию современников, Э. Гаскелл сосредоточила свои творческие усилия на художественном изображении и изучении прошлого, в котором, как и большинство писателей-реалистов, она видела истоки настоящего состояния общества. Аналитический подход к историческим событиям позволил автору воспроизвести типичные характеры

прошлого, не лишённые индивидуального психологического своеобразия, исторической правды и глубины. Таким образом, в творчестве писательницы продолжили доминировать принципы реалистического художественного метода при создании исторической прозы.

Одно из значительных произведений малой формы в этом жанре было создано Гаскелл на материале не британской истории, а американской. По мнению авторитетного исследователя творчества писательницы Б. Б. Ремизова, это было вызвано ее интересом к истории этой страны, обусловленным событиями гражданской войны между Севером и Югом и «сближением с аболиционистской интеллигенцией США (Г. Бичер-Стоу, Ч. Э. Нортон, В. У. Стори и другими)» [Ремизов 1974: 108]. Имется в виду произведение «Ведьма Лоис» (*“Lois the Witch”*, 1859). Писательница действительно интересовалась Америкой, об этом пишет ее британский биограф Уинифред Джерин. Согласно ее исследованию, Гаскелл на протяжении десяти лет (1855–1865) вела активную переписку с Чарльзом Элиотом Нортоном, профессором искусств университета Гарварда, дружба с которым зародилась в 1857г., во время встречи в Италии, где он изучал искусство. Из писем Гаскелл к Нортону очевидно, что ее политические симпатии были на стороне северян, так, например, она выражает искреннее сочувствие американцам после убийства президента Линкольна [Gerin 1990: 180]. Нортон был другом многих выдающихся писателей США того периода: Генри Лонгфелло, Натаниэля Готорна, Ральфа Эмерсона и др. И, несомненно, Гаскелл была знакома с творчеством Н. Готорна либо благодаря Нортону, либо – популярности романов писателя «Алая буква» (*The Scarlet Letter*, 1850) и «Дом о семи фронтонах» (*The House of Seven Gables*, 1851) в Европе, в последнем действии развивается в том же Сейлеме, что и в повести «Ведьма Лоис», но спустя сто пятьдесят лет после окончания «охоты на ведьм», подробно изображенной писательницей. Гаскелл даже вводит в повествование предка писателя – обвинителя Джона Готорна, изменяя орфографию его фамилии: Nathorn вместо Hawthorne. Американский писатель и Гаскелл никогда не встречались лично, но, как отмечает другой британский исследователь творчества писательницы Дженинн Аглоу, при сопоставительном анализе их произведений очевидно пересечение литературных интересов авторов [Uglove 1993: 310].

Помимо интереса к истории США процесс над сейлемскими «ведьмами» и «колдунами» привлек внимание Гаскелл как яркий пример победы невежества и страха перед неизвестным над рациональным началом в человеке. Для писательницы, придерживающейся унитарной христианской доктрины, разум и правда – это лучи маяка, освещающие

путь человечества, благодаря которым человек может стать по-настоящему свободным и счастливым. Унитарии проявляли большой интерес к судебным процессам над «ведьмами» в 1830-х гг., рассматривая эти дела как «примеры медицинского и священнического мракобесия» [Uglow 1993: 475]. Примером тому «Лекции о колдовстве» (“Lectures on Witchcraft”, 1831) священника-унитария из Сейлема Чарльза Афэма (Charles Upham), статья близкой знакомой писательницы Хэрриет Мартино (Harriet Martineau) о событиях в Сейлеме, историческое исследование Уиляма Хоуитта (William Howitt) о труде священнослужителей [там же]. Таким образом, можно говорить о следующих причинах обращения Гаскелл к изображению событий в Сейлеме в 1692-1693 гг.: интерес к истории США, желание попробовать себя в жанре исторической прозы и унитарийская христианская этика, побуждающая к художественному осмыслению работы человеческой психики, а именно, поиску причин победы иррационального над рациональным в человеке, что несомненно приводит к совершенствованию писательского мастерства в области художественного психологизма.

Обращение к истории родной страны произойдет несколько позднее в романе «Поклонники Сильвии» (“Sylvia’s Lovers”, 1863), где будет представлена широкая и весьма подробная панорама британского общества в период Наполеоновских войн с включением батальных сцен, изображением бунта против действий правительства и вниманием к жизни маленького человека, чья судьба оказывается детерминирована масштабными историческими событиями. Таким образом, можно рассматривать повесть «Ведьма Лоис» как некую пробу пера в исторической прозе наряду с повестью «Миледи Ладлоу» (“My Lady Ludlow”, 1858), посвященной, главным образом, революционным событиям 1789 г.

Судьба главной героини произведения 1859 г. Лоис Баркли predetermined, но не историческими событиями мирового масштаба, как у Сильвии Робсон в романе, а другим, не менее значимым, по мнению писательницы, объективным обстоятельством – нездоровым морально-нравственным и психическим состоянием социума. Речь идет о колонии первых поселенцев-пуритан Сейлема в Новой Англии. Отметим, что фабула произведения во многом основана на реальных исторических событиях, а именно, на так называемой «охоте на ведьм», имевшей место в американском г. Сейлеме в 1692–1693 гг., в ходе которой были казнены девятнадцать человек по обвинению в ведовстве и около двухсот заключены в тюрьму. Этим событиям посвящено не только большое количество научных и научно-популярных работ, но и художественные произведения: драма Генри Лонгфелло «Джайлз Кори с Сейлемских

ферм» из произведения «Трагедии Новой Англии» (*“The New England Tragedies”, 1868*); пьеса Артура Миллера «Суровое испытание» (*“The Crucible”, 1952*).

Патологическое психическое состояние большинства членов этого небольшого по размерам общества, в свою очередь, обусловлено рядом причин, анализ которых представлен через прямое авторское слово в произведении: пуританской идеологией (требующей буквального, истового соблюдения библейских заповедей в повседневной жизни), тяжелыми условиями жизни (более суровый, чем в Англии климат, неизученная природа), враждебной внешней средой (индейские племена и французы-колонисты, составляющие конкуренцию пуританам в борьбе за пригодные для сельского хозяйства земли). Художественно анализируя причины суровых или даже жестоких поступков персонажей, автор намеренно подчеркивает временную дистанцию между XIX в. и XVII в., поясняя, что для того времени подобного рода поступки были нормой, продиктованной уровнем развития общественного сознания. Однако, становится очевидно, что основная задача автора – показать опасность, которую представляют как для общества в целом, так и для отдельных его членов невежество, суеверия, гордыня и ложь, прикрываемая иррациональными религиозными догмами.

Героиня повести – осиротевшая молодая девушка. Проблема сиротства – одна из магистральных в творчестве Гаскелл, которая сама воспитывалась в семье тети по материнской линии после смерти матери. Сиротой является Руфь из одноименного романа 1853 г., теряет мать в начале романного действия Маргарет Хейл из «Севера и юга» (*“North and South”, 1855*), умирает мать у Мэри Бартон из одноименного романа, у главной героини последнего романа Гаскелл «Жены и дочери» (*“Wives and Daughters”, 1866*). Сиротство рассматривается писательницей как одна из причин гибели главной героини в прямом (повесть «Ведьма Лоис») или переносном смысле (роман «Руфь») или, в лучшем случае, значительных неурядиц в любовных делах героинь, их неосмотрительного поведения, приводящего к потере репутации достойной молодой девушки, как в романах «Север и юг» и «Жены и дочери». Гаскелл создает ряд типичных героинь в типичных обстоятельствах, показывая современному ей читателю нелицеприятную правду, свидетельствуя равнодушию, жестокости и лицемерия общества по отношению к молодым женщинам, оставшимся без родительской поддержки: материальной или моральной. Писательница изображает разные, но одинаково возможные траектории женских судеб в предложенных обстоятель-

ствах, самой трагичной из которых является судьба Лоис Баркли. Девушка будет ложно обвинена в колдовстве и повешена. За несколько минут до казни она обратится не к Богу, а к собственной умершей матери, что с одной стороны, свидетельствует о глубине проникновения Гаскелл в человеческую психологию – молодая девушка инстинктивно, бессознательно ищет защиты у матери, как любое неокрепшее живое существо, а с другой, говорит о важнейшей в понимании писательницы функции матери в жизни женщины – проводника в социуме, полного опасностей как для репутации, так и для самой жизни женщины. Изображение сиротства тесно связано с другой важной проблемно-тематической составляющей творчества Гаскелл темой – материнством.

Сиротство и связанное с ним одиночество Лоис неоднократно подчеркивается Гаскелл. Прибывая в Сейлем в дом своего дяди по материнской линии Ральфа Хиксона, героиня обретает крышу над головой, но не любящую семью: жена дяди Грейс Хиксон, рожденная и воспитанная в пуританской вере в Новой Англии, скрепя сердце принимает Лоис, но считает ее «девушкой из другой земли, земли преисполнившейся ошибок, которые она привезла с собой из-за океана как семена, из которых может вырасти дерево зла, в чьей тени найдут приют все нечистые существа» (*Здесь и далее перевод выполнен Фирстовой М.Ю.*) [Gaskell 1861: 34]. Такое отношение Грейс, с одной стороны, обусловлено религиозным предубеждением в отношении англикан, что в свою очередь вызвано религиозным расколом, произошедшем между пуританами и приверженцами англиканской церкви, каковой является Лоис. Однако, для главной героини англиканство – это, в первую очередь, религия ее семьи, отца-священника и богослужения в «старой серой церкви» в родной деревушке Барфорд. Таким образом, Гаскелл изображает психологическое, точнее, эмоциональное, основание религиозной веры Лоис, а не доктринальное. Англиканство для нее – это отец и мать, и все то, во что она была приучена верить с детства, например, в то, что «король не может поступить неправильно». Нетерпимость Грейс и ее сына Мэнесси к англиканам или, как они их называют, якобитам, то есть сторонникам короля Якова II, обусловлена гонениями, обрушившимися на пуритан в Англии во время правления королевской династии Стюартов, в результате которых они были вынуждены отправиться в Америку.

Историзм повествованию Гаскелл придает упоминание реальных политических и религиозных деятелей того периода. Например, в повести дед Лоис был сторонником архиепископа Уильяма Лода (William Laud, 1573–1645), начавшего преследования пуритан еще при Карле I [Britannica: URL]. Отец героини «принес присягу Карлу Стюарту и

остался жить там, где родился, тогда как все праведные люди покинули свои дома» [Gaskell 1861: 21](этими словами встречает Грейс Хиксон племянницу мужа в Новой Англии), возможно, речь идет уже о Карле II, так как в тексте есть упоминание 1661 г. как даты начала служения отца Лоис в церкви, а Карл II (1630–1685) становится королем в 1660 г. В художественную ткань повествования вплетены не только британские, но и американские исторические деятели, например священник-конгрегационалист, выступавший за отделение церкви от государства в Британии и вынужденный из-за религиозных преследований иммигрировать в Америку Джон Лотроп (John Lothrop, 1584–1653), где он основал поселение Барнстейбл, штат Массачусетс; преподаватель Гарварда и священник Коттон Мэзер (Cotton Mather, 1663–1728), наблюдавший за процессом над «ведьмами» в действительности, а в произведении он изображен как религиозный лидер, имеющий наибольший авторитет у пуритан Новой Англии и потому принимающий самое активное участие в судебном разбирательстве.

Религиозная нетерпимость Грейс к Лоис подпитывается ревностью к родне мужа, который начал жалеть о том, что покинул Англию и переехал в Америку, наивысшей точки ненависть достигает в тюрьме и на суде, когда девушку обвинят в колдовстве. Гаскелл подробно раскрывает читателю через авторское слово не духовные, религиозные истоки неприязни, а материальные. В первую очередь, это навязчивая идея Мэнэсси, сына Грейс, о предопределении Лоис в качестве его супруги, которая вызывает гнев матери, планирующей женить сына на девушке из состоятельной пуританской семьи, а не англичанке без средств к существованию. Но маниакальная страсть сына-визионера, угрожающего повторить попытку самоубийства, если ему не будет позволено жениться на Лоис, одерживает верх над меркантильными соображениями матери. Здесь Гаскелл показывает себя тонким психологом, изображая внутреннюю борьбу в душе «в равной степени амбициозной и религиозной» Грейс, вынужденной смириться с желанием сына перед лицом угрозы его потери: материнская любовь побеждает расчет и гордыню. Писательница с иронией, неотъемлемым элементом ее повествовательного стиля, описывает matrimониальные планы Грейс в отношении сына и требования к потенциальной невестке, которая должна быть образцом (“ragoon” – слово имеет комическую стилистическую окраску в английском языке согласно словарю Longman [LDCE: URL]): «помимо приятной внешности и благочестия, девушка должна была иметь хорошее происхождение и хорошее приданное», невестка должна была быть обязательно из г. Бостона, так как «в Сейлеме ни одна девушка не

соответствовала воображаемым стандартам Грейс» [Gaskell 1861: 42], также кандидатура невестки должна была получить одобрение священников бостонской конгрегации во главе с Коттоном Мэзером.

В образе Грейс представлено иное осмыслением темы материнства в творчестве Гаскелл. Женщина скрывает от жителей Сейлема душевную болезнь сына, в наличии которой она сама себе не может признать, возможно, вследствие пуританской убежденности в избранности своей семьи. Однако в кульминационный момент повествования, когда во время суда над Лоис Мэннэси, пытаясь спасти ее от казни, утверждает, что девушка не могла стать ведьмой по своей воле, а если она стала колдуньей, то таково было божественное предопределение в отношении нее, Грейс решительно отбрасывает мысли о том, что ее семейный позор (психические проблемы сына) станет известен обществу и в надежде спасти его жизнь произносит: «Я скажу вам правду перед Богом. Мой сын, мой единственный сын – сумасшедший!» [Gaskell 1861: 100]. Рассуждения Мэннэсси действительно воспринимаются членами пуританской общины и Коттоном Мэзером как ересь и богохульство, что тогда каралось смертью.

Авторитет семьи Хиксон настолько высок в обществе, что никто из присутствующих не может поверить ни в его сумасшествие, ни в то, что он может произносить подобные еретические речи, и никто не желает принять тот факт, что еретик так долго жил с ними рядом. Все перечисленное автором подталкивает толпу к удобному выводу и решению: сын Грейс Хиксон – новая жертва дьявола. Здесь Гаскелл предпринимает попытку изобразить работу коллективного мышления, близко подходит к анализу механизмов и законов массового сознания, что станет предметом психологии лишь в XX в. В тексте происходит обезличивание присутствующих: нет имен и для усиления этого эффекта писательница прибегает к приему метонимии. Вербализованный вывод о новой жертве дьявола передается не от одного человека к другому, а «от одного рта к другому» (приведем цитату на английском языке: “So the word spread from mouth to mouth” [Gaskell 1861: 101]). Этот вывод становится «целебным бальзамом» для Грейс. От анализа коллективной психологии Гаскелл переходит к индивидуальной. Вывод толпы удобен для Грейс, так как позволяет избежать позора, и она перестает замечать тот факт, что сын вел себя странно, страдал от резких перепадов настроения и порой был жесток задолго до появления Лоис в Сейлеме. Женщина не признается в этом даже себе. Внутренний монолог Грейс в этот момент переполнен восклицаниями и обвинениями в адрес Лоис, «приворожившей» к себе Мэннэсси (Гаскелл показывает и ревность матери к

женщине, которую полюбил сын). Но доминирует в сознании женщины мысль о том, что, если Мэнесси был околдован, то он на самом деле здоров и не является сумасшедшим, а значит, когда чары будут разрушены, снова может занять полагающееся ему почетное место в пуританской общине. Амбиции, стремление к социальному успеху настолько тесно переплетены с материнской любовью к сыну в сознании Грейс, что сложно определить, что для нее первично. «Бесчестная, сознательная слепота» героини по словам Гаскелл иллюстрирует безжалостное стремление фанатично религиозной женщины к вершинам пуританского социума. Желание скрыть позорную правду о сыне приводит к преступлению – казни безвинной сироты, но желание настолько сильно, что переходит в самообман, и Грейс приходит в тюремную камеру к Лоис и просит освободить сына от чар, а, получив в ответ утверждение о своей невиновности, прокликает девушку и пытается бросить в нее комья земли, совершенно обезумев. Ложь и самообман не помогли Грейс Хиксон: ее сын окончательно сходит с ума, ей приходится связать его, чтобы он не причил вред себе или домашним, и держать взаперти.

На примере образа Грейс Хиксон писательница демонстрирует одну из главных идей своего творчества: настоящее христианство заключается не в предельно точном следовании библейским заповедям, а в любви к ближнему, доброте. Отсутствие любви – причина всех бед и страданий человека. Эта же мысль, по мнению А. В. Ващенко будет развита Логфелло в произведении «Джайлз Кори с Сейлемских ферм» [История литературы США 2000: 304]. Здесь можно говорить о некоторой преемственности в проблемно-тематическом аспекте творчества Логфелло и Гаскелл. Писательница неоднократно подчеркивает в тексте, что главная героиня страдает от отсутствия любви. Будучи по природе «любящим существом», Лоис испытывает страдания от ненависти и злобы, окружающих ее, даже если они направлены на других людей. Отсутствие любви порождает психические расстройства у всех трех детей Грейс, становится причиной всеобщей подозрительности, страха и вражды, которые явились пусковым механизмом для судебного процесса над «ведьмами». Гаскелл выстраивает эту логическую цепочку в размышлениях заключенной в тюрьму Лоис: «паника порождает трусость, а трусость – жестокость» [Gaskell 1861: 104]. Младшая дочь Грейс Пруденс обвиняет Лоис в колдовстве, только чтобы обратить на себя внимание, которого ей так не хватает: взрослые ищут ведьм и девочка находит простой способ привлечь к себе внимание матери и других членов общины. Лоис оказывается в тюрьме. Буквальное следова-

ние библейским текстам, лишенное любви к ближнему, которую проповедовал Христос, как в колонии пуритан в повести, уничтожает саму идею христианства, ведет ко лжи и преступлениям. Эта идея реализуется и в другом произведении Гаскелл на примере образа «истинного праведника» лицемерного мистера Брэдшо в романе «Руфь» [Фирстова 2010]. Грейс – это пример несостоятельной матери, утратившей естественные материнские чувства в чрезмерном стремлении к внешнему благочестию и высокому социальному статусу.

Обличительный пафос Гаскелл в отношении пуритан, ставящих себя выше последователей католицизма, англиканства в силу более ревностного, по их мнению, соблюдения заповедей Священного Писания, демонстрирует утрату ими человечности. Следование букве, но не духу Библии позволяет им превращать в рабов индейцев, подводя теоретическую базу под свои антигуманные действия. Узоры на телах индейцев трактуются ими как дьявольские символы, что развязывает руки и позволяет убивать во имя Господа, присваивая их плодородные земли. Писательница поднимается до обобщений: идеология, лишенная гуманизма, опасна. Гаскелл предупреждает современников об этом, показывая, что последствия могут быть кровавыми и необратимыми.

Последнее хорошо иллюстрирует образ Ральфа Люси, молодого человека, влюбленного в Лоис. Вопреки воле богатых родителей, запретивших ему жениться на бедной сироте на родине, он отправляется за ней в Америку, но приезжает слишком поздно. Спустя много лет в 1713 г. одинокий мужчина получит сообщение о глубоком раскаянии Пруденс и Грейс Хиксон, прочтет письмо жителей Сейлема, сожалеющих о случившемся, что соответствует исторической правде (вынесенные приговоры будут отменены, а казненные будут официально реабилитированы), и произнесет очень простую, но важную для автора фразу, звучащую как предостережение: «Ни одно из их покояний не вернет ее к жизни». Преступление невозможно искупить. Несмотря на это Гаскелл, как и во многих других своих произведениях, утверждает необходимость прощения: Ральф будет молиться о том, чтобы грех раскаявшегося судьи Сьюелла из Сейлема был забыт и отпущен, потому что «этого бы хотела она», то есть главная героиня Лоис Баркли, казненная по ложному обвинению в ведовстве, жертва религиозного фанатизма пуритан, забывших главный завет Христа – любовь к ближнему.

Список литературы

История литературы США. Литература середины XIX в. (Поздний романтизм). Том III. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие» 2000. 614 с.

Ремизов Б. Б. Элизабет Гаскелл: Очерк жизни и творчества. Киев: Вища шк., 1974. 171 с.

Фирстова М. Ю. Идея духовного самосовершенствования в художественной структуре романа «Руфь» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 4(10). С. 111–119.

Gaskell E. C. *Lois the Witch and Other Tales.* Leipzig. Bernard Tauchnitz, 1861. 338 p.

Gerin W. *Elizabeth Gaskell: a Biography.* Oxford: Oxford University Press, 1990. 318 p.

Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.lodce-online.com> (дата обращения 20.09.2021)

Uglow J. *Elizabeth Gaskell: A Habit of Stories.* Faber and Faber. London and Boston, 1993. 690 p.

William Laud, archbishop of Canterbury. URL: <https://www.britannica.com/biography/William-Laud> (дата обращения: 20.09.2021).

REALISTIC POETICS OF THE DEDICTION OF RELIGIOUS FANATICISM IN “LOIS THE WHITCH” HISTORICAL TALE BY ELIZABETH GASKELL

Maria Yu. Firstova

Candidate of Philology, Associate Professor of English Language
and Intercultural Communication Department

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15

legkikh76@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0987-7816>

Submitted 20.10.2021

The article analyses Gaskell’s historical tale “Lois the Witch” (1859). The stress is done on the artistic means of the depiction of Christian ideas of the author, realistic poetics of the portrayal of the “witches” trial that took place in the American town of Salem at the end of the XVII century: character typification, psychological analysis (description of mass and individual consciousness work), socially determined characters and conflicts. Also, the theme of maternity and the problem of orphanhood are considered as the main ones in the works of Gaskell. The narration analysis reveals the use of irony, metonymy and internal monologue. It shows, too, the emphasis on the time distance between the period of the novella creation and the events portrayed in it by the direct author’s speech in order to highlight the primitive and barbaric nature of the depicted. Historical authenticity is created by the wide use of the factual information in the narration and the introduction of the real historic characters of Britain and the USA (church ministers and scholars, monarchs).

Keywords: E. Gaskell, religious fanaticism, Puritans, maternity theme, orphanhood problem, psychological analysis, historical prose.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Фирстова М. Ю. Реалистическая поэтика изображения религиозного фанатизма в исторической повести Э. Гаскелл «Ведьма Лоис» // *Мировая литература в контексте культуры*. 2021. № 13 (19). С. 101–111. doi 10.17072/2304-909X-2021-13-101-111

Please cite this article in English as:

Firstova M. Yu. Realisticheskaya poetika izobrazheniya religioznogo fanatizma v istoricheskoy povesti E. Gaskell «Ved'ma Lois» [Realistic Poetics of the Dipiction of Religious Fanatism in “Lois the Whitch” Historical tale by Elizabeth Gaskell]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture], 2021, issue 13 (19), pp. 101–111. doi 10.17072/2304-909X-2021-13-101-111